

О. В. Калинина

«Сам какой родился, так себя и ощущаю»:
к вопросу об этнокультурной идентичности
сету(сето) и эстонцев Псково-Печорского края

Калинина Ольга Владимировна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник, kalinina_ol@mail.ru

В докладе приведены некоторые наблюдения, сделанные во время полевой работы в 2007–2017 гг. Речь идет об этнокультурной идентичности современных сету Печорского р-на, детей от смешанных русско-сетуских браков, а также о группе местных этнических эстонцев. Делается вывод о зависимости этнического самосознания от воспитания, образа жизни, политической ситуации и деятельности национальных активистов. Определяющим фактором самоидентификации населения зачастую является не этническая, а культурно-территориальная принадлежность. Среди всех жителей Печорской земли именно за сету закрепился статус хранителей старины, в то же время именно они были вовлечены в процесс конструирования нового этнического образа на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: сету(сето), эстонцы, Печорский р-н Псковской обл., этнокультурная идентичность, этнический активизм.

На рубеже XX–XXI вв. в фокусе антропологических исследований оказались этнический активизм, рефлексия над традицией, практики «производства» этнической культуры и процессы превращения ее в туристический бренд. Наиболее рельефно эти сюжеты вырисовываются в этноконтактных зонах, где есть место сравнению и противопоставлению собственной культурной традиции чужой.

Именно такой контактной зоной является современный Печорский р-н Псковской обл., который в 1920–1940-х гг. входил в состав независимой Эстонской Республики. За последние 20 лет население Печорского р-на многократно становилось предметом этно-социологических исследований¹. Поделюсь некоторыми собственными соображениями на этот счет, появившимися за время полевой работы в 2007–2017 гг.

Печорский р-н Псковской обл. является многонациональным и этот факт всегда осознавался местными властями. «Я сама работала в сельсовете, когда отчеты там делали, всякие национальности... эстонцы, латыши, русские»². При этом внимание научного сообщества прежде всего привлекали сету (сето), затем русские, в особенности жители так называемого Обозерья – побережья Псковского озера³, а локальные группы местных эстонцев и латышей оставались вне поля исследовательских интересов этнологов и фольклористов⁴. До XXI в. сету в России не отделялись от эстонцев на официальном уровне. Однако, понимание разницы между эстонцами и сету всегда присутствовало как у рядового населения, так и у властей. Оно базировалось на различиях в языке, вероисповедании (сету – православные, эстонцы – лютеране), культуре.

Идентификация себя по этническому принципу в ответах информантов является, как правило, ответной реакцией на настойчивые вопросы интервьюера, ожидаемым ответом на его запрос. Нередко на вопрос о национальности «в лоб» можно получить следующие варианты ответов: «Да иди ты, все тебе скажи», «Сам какой родился, так себя и ощущаю» и т.д. На самом деле люди в первую очередь идентифицируют себя не по этническому, а по культурно-территориальному принципу, то есть для них важна локальная «печорская» идентичность, они соотносят себя с определенной деревней или местным церковным приходом. Немаловажным фактором самоидентификации является также противопоставление себя и своего образа жизни реалиям соседней Эстонии.

Сету (сето) получили статус коренного малочисленного народа РФ в 2010 г., когда собственно «народа» этого в России уже не стало из-за массовой миграции в Эстонию и естественной убыли. В 2011 г. их численность в Печорском р-не составляла 225 человек⁵. Официальные данные о сету базируются на списках «Этнокультурного общества народа сето» (ЭКОС), образованного в 1993 г. В 2013 г. от администрации Печорского р-на мне удалось получить «Список представителей сету (сето), проживающих в Печорском р-не, подлежащих углубленной диспансеризации», который состоял из 132 фамилий людей (1920-х – 1960-х г.р.), что являлось ярким свидетельством наличия социальных программ в отношении именно сету⁶. Впоследствии выяснилось, что в список были включены некоторые представители из смешанных русско-сетуских семей, одна русская женщина – жена сету и две этнические эстонки. Причины такого явления можно объяснить желанием получить потенциальную выгоду от принадлежности к малочисленному народу. В то же время из-за повышенного общественного внимания к культуре сету в последнее

время фиксируются изменения в самосознании людей, рожденных от смешанных браков.

Для регистрации в ЭКОС достаточно иметь одного родителя сету, здесь во главу угла поставлено самосознание отдельного индивида. Вариативность этнокультурной идентичности в зависимости от воспитания, внешней среды и образа жизни ярко иллюстрирует следующий пример: две женщины из вышеупомянутого списка имеют одинаковые исходные данные: мать – русская, отец – сету. Однако первая воспитывалась в русскоязычной среде г. Печоры, ходила в русскую школу, не знает языка своего отца и ощущает себя русской; а вторая воспитывалась на хуторе, ходила в эстонскую школу, находилась под большим влиянием родни с отцовской стороны и считает себя сету.

Одно из старинных определений сету звучит как «печорские эстонцы», однако в районе исторически проживали и этнические эстонцы, не имеющие отношения к культуре сету. Это потомки переселенцев из Лифляндской губ. Российской империи и те, кто переехал в Печорский край в бытность его в составе независимой Эстонии в 1920–1940-х гг.⁷ В настоящий момент эстонцы Печорского р-на – это единичные представители школьной интеллигенции (в основном бывшие учителя печорской эстоноязычной школы, приехавшие сюда по распределению из ЭССР в советский период) и несколько потомственных хуторян. В большинстве своем они держатся особняком от сетуского культурного сообщества, говорят о своей принадлежности к лютеранской традиции и подчеркивают религиозную индифферентность эстонцев в отличие от сету. Наравне с местными сету и русскими они ощущают себя печорянами – жителями Печорской земли.

Интересно, что на вопрос о наличии предметов традиционной культуры в доме (в особенности об элементах костюма) и русские, и эстонцы отвечают, что это прерогатива сету. Именно за ними признается статус хранителей старины и вообще право представлять интерес для научного мира.

Постсоветский период характеризуется этническим активизмом сету по обе стороны границы. Его инициаторами стали представители сетуского сообщества в Эстонии. Их деятельность развивается на всех фронтах: создание собственных институций, возрождение ремесленных и фольклорных традиций, реконструкция костюмов, репрезентация в музейном пространстве, издание книг на собственном языке, создание новых праздников и привлекательных брендов. Для этого процесса характерно «выискивание» отличительных этнических черт культуры – «это есть только у сету», отсюда и акцент на дохристианских традициях. При поиске ответа на заданный этнологом вопрос пожилые сету зачастую апеллируют

не к собственной памяти или домашним архивам, а к современной печатной продукции «Института сето» (Эстония), так как именно, по их мнению, он является источником «правильной» информации об этнической культуре.

Этнокультурная идентичность малых групп – вещь сама по себе гибкая⁸, она конструируется в зависимости от политической конъюнктуры и степени активности национальных низов. Идентификация себя по этническому признаку является одной из множества других идентичностей, свойственных населению, проживающему на границе двух государств. Российские сету и эстонцы ощущают себя жителями Печорской земли, но поддерживают тесные связи с Эстонией. В случае с сету происходит коммерциализация этнического образа, что тоже несомненно влияет на их самооценку и самосознание.

---

¹ Новожилов А. Г., Хрущёв С. А., Громова Ю. В. Современное состояние сету Печорского района по материалам этнологических исследований//Историко-этнографические очерки Псковского края / Ред. А. В. Гадло. Псков: Изд-во Псковского областного института повышения квалификации работников образования, 1999. С. 285–292, 294–301; Jääts I. Ethnic identity of the setus and the Estonian-Russian border dispute//Nationalities Papers. 2000. № 28(4). P.651–670; Nikiforova E. Narrating «National» at the Margins: Seto and Cossack Identity in the Russian-Estonian Borderlands//Culture and Power at the Edges of the State. National Support and Subversion in European Border Regions / ed. T. Wilson, H. Donnan. Münster: Lit Verlag, 2005. P. 191–228; Kaiser R., Nikiforova E. Borderland spaces of identification and dis/location: Multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian-Russian borderlands//Ethnic and Racial Studies. 2006. № 29(5). P. 928–958; Манаков А. Г. Этническая идентичность сету Печорского района: итоги пятнадцатилетних исследований (1999–2014 гг.//Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 65–77; Новожилов А. Г. Население Псково-Печорского края между этнокультурной традицией и национальной политикой//Вестник СПбГУ. Сер. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 186–200.

² Полевые материалы автора. Псковская обл., Печорский р-н., д. Паниковичи. Каленина М. П., 1939 г.р., сету, интервью 2016 г.

³ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра / Ред. А. М. Махнецов. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. Т. 1. С. 227–402.

⁴ Исключение составляют полевые работы сотрудника РЭМ В. А. Галиопы в 2011 г., изучавшего старожильческое латышское население Печорского района в рамках программы «Этнография пограничья». АРЭМ. Ф.10. Оп.2. Д.56. Л. 1–11.

⁵ Манаков А. Г., Потапова К. Н. Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области по (по результатам исследований 1999–2011)//Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 181.

⁶ На самом деле фамилий было 135, но некоторые люди упоминались дважды, например, под разными местами жительства или под разными (с учетом девичьей) фамилиями. Удалось взять интервью у 30-и из указанных в списке лиц.

⁷ В 1928 г. здесь проживало 3699 эстонцев, 15033 сету и 36933 русских//Setumaa: maadeteauduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus / Eesti III / toim. A. Tammekann, edg. E. Kant, J. V. Veski. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1928.— Lk. 42

⁸ Гибкие этничности. Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы: Сб. ст./ Ред. Суутари П, Давыдова-Менге О.СПб.: Нестор-История, 2017.

UDC 39; 303.423

O. V. Kalinina

«What I Was Born, so I Recognize Myself»:
on the Problem of Ethnocultural Identity of the Setus
(Setos) and the Estonians of the Pskov-Pechorsky
District of Pskov Region

Kalinina Olga Vladimirovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of North-West Russia and the Baltic Region, research fellow, kalinina_ol@mail.ru

The report is devoted to the ethnocultural identity of the modern Setos in the Pechorsky District, of children in mixed Russian-Seto families, as well as of a group of local ethnic Estonians. It is based on author's fieldwork materials 2007–2017. Ethnic identity depends on education, lifestyle, political situation and national activists. The determining factor of self-identification often is not ethnic, but cultural and territorial identity. Among other inhabitants of the Pechorsky District, the Setos have an image of preservers of antiquity, but at the same time they are involved in constructing of a new ethnic image in the post-Soviet space very much.

Key words: the Setus (Setos), the Estonians, Pechorsky District of the Pskov Region, ethnocultural identity, ethnic activism.